

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сара Петтиджон поклялась, что никогда больше не выступит в роли Сирены... Но теперь она снова здесь, практически без костюма, ждет своего выхода, спрятавшись от зрителей высоко над сценой, за аркой просцениума. Со своей жердочки она видела зал, битком набитый мужчинами, и понимала, что это не сулит ей ничего хорошего.

Владельцы театра, Джефф и Чарльз, умели поднимать шумиху. Здание было заполнено мужчинами из самых разных слоев общества. Богачи и бедняки, старые и молодые — все эти глупцы заплатили по четыре шиллинга, потому что, как сказал Джефф, мужчины никогда не смогут насытиться видом «сисек». «Они любят смотреть на них, сколько бы это ни стоило».

Сара не собиралась показывать «сиськи». Под прозрачный костюм она надела трико телесного цвета. Конечно, под самим трико почти ничего не было, но, по сравнению с другими женщинами в театре, ее тело было неплохо прикрыто. Сара сама на этом настояла. Из прошлого опыта, когда шесть лет назад ей впервые пришлось сыграть здесь Сирену, она знала, что мужское воображение легко дорисует любые невидимые детали.

Свое настоящее имя, как и в прошлый раз, Сара держала в строгой тайне. Поэтому ее лицо скрывала украшенная поддельными драгоценностями маска, под которой пряталось созданное с помощью толстого слоя грима фантастическое, причудливое женственное личико с длинными рес-

ницами и золотистой кожей. Рыжие волосы скрывал черный парик, заплетенный в толстую косу. Кроме того, Сара отказалась присутствовать на репетициях, предпочтя отрабатывать свою роль в одиночестве. Гордости ей это выступление не прибавит. А погубить свою репутацию она не могла.

В конце концов, она же не актриса. Она — драматург.

Сара согласилась исполнить роль Сирены лишь потому, что Джефф и Чарльз обещали ей поставить ее пьесу.

Ее пьесу.

Долгие годы Сара переписывала и редактировала творения мужчин, которые использовали ее талант, не давая ей никакого шанса на признание. Прошлым летом Колман из театра «Хеймаркет», где она работала уже много лет, пообещал поставить ее пьесу, но когда пришло время выполнить обещание, передумал и поставил вместо нее свою. *Ту, которую для него переписала Сара.*

Сара ушла. С гордо поднятой головой и пустыми карманами.

И тут ее нашли Джефф и Чарльз.

Эти талантливые антрепренеры впервые поставили «Озорное ревю», чтобы собрать денег и основать театр «Бишопс Хилл». То было представление на один вечер, как и сегодня. Сара тогда отчаянно нуждалась в деньгах на содержание осиротевшей дочери своей сводной сестры. В тот раз она тоже не показывала «сиськи», хотя ради благополучия Шарлен могла бы пойти и не на такое.

Никто, однако, не ожидал, что после единственного представления Сирена станет легендой. Это поразило даже Сару, и она радовалась, что выступала под псевдонимом и что ее настоящего имени никто не знал. Несколько месяцев после спектакля в газетах мелькали личные объявления от мужчин, в которых они умоляли актрису, исполнившую роль Сирены, связаться с ними или просили сообщить любую информацию о ней. К счастью, те несколько человек, которые знали настоящее имя Сирены, не предали ее.

Теперь, спустя годы после открытия своего театра, Джефф и Чарльз были по уши в долгах. Положение стало угрожающим: они могли лишиться театра и надеялись лишь на то, что «Ревю», сработав однажды, спасет их и теперь.

— Все хотят видеть Сирену, — говорил Чарльз. — Ты окажешь нам эту услугу, а мы поставим твою пьесу. И каждый получит желаемое.

Сара неохотно согласилась. Да у нее и не было особого выбора. Средствами на постановку собственной пьесы она не располагала. Шарлен счастливо вышла замуж и жила за океаном, в Бостоне. Пришло время и Саре зажечь своей жизнью.

Если танцевать и петь полуголой — единственный способ получить желаемое, что ж, она готова. Одинокой женщине приходится выживать любимыми способами, а уж что умела Сара — так это выживать.

Она поудобнее уселась на узкой скамейке и крепче взялась за шелковую веревку, по которой должна будет спуститься на сцену. Ее номер будет последним в сегодняшнем представлении. До выхода оставался час.

Со сцены уходили два гладиатора — женщины с мечами в форме фаллосов. Их сменил ирландский тенор Уильям Милрой с песней об измене жены. Зрители не обращали на него внимания. Они пришли сюда ради женщин. Кто-то запустил в тенора кочаном капусты, но Уилл успел пригнуться. Следом полетели еще какие-то овощи и даже фрукты, что вызвало общий восторг, особенно когда те достигли цели. Под всеобщие улюлюканье и свист Уильям убежал со сцены.

— Где Сирена? — крикнул кто-то.

Крик тут же был подхвачен, и зрители начали скандировать:

— Сирена! Сирена!

Сара покачала головой. Мужчины бывают просто смехотворны. Весь вечер кричат одно и то же. Ее нервы были на пределе.

На сцену вышла стайка танцовщиц с обнаженной грудью, одетых в костюмы овец. Мужчины перестали скандировать и бурно приветствовали девушек. Кто-то из ближней к сцене ложи выскочил на сцену и бросился к одной из танцовщиц, пытаясь ухватить ее за грудь. Сара знала ее. Ирена. Девушка завизжала и оттолкнула наглеца, а два нанятых Джеффом и Чарльзом громилы схватили его и бросили в оркестровую яму. Взбучка сопровождалась хохотом и одобрительными выкриками из зала.

Заиграла музыка, девушки начали вытанцовывать по сцене, а за ними припустил пастух — он догонял каждую и тыкал ее посохом в зад. Овечки, почувствовав пинок, издавали жалобное «Бе-е-е!», а зрители передразнивали это «Бе-е-е!», заменяя его непристойностями.

У Сары вдруг возникло желание спуститься на сцену и прочитать этим мужчинам лекцию о хороших манерах. Если они не прекратят свои грубости, ее выступление будет коротким.

Она *и в самом деле* не станет задерживаться.

Она споет одну песню, выскользнет из театра, прежде чем кто-нибудь узнает, кто она такая, и будет жить дальше так, как ей хочется. Она поставит свою пьесу — «Беспокойная вдова: легкая комедия о мужской глупости», — докажет, что обладает талантом не меньшим, чем любой мужчина, и...

Внезапно ее исполненные решительности мысли прервались: в одной из самых дорогих боковых лож сидел человек, которого она знала.

Не веря глазам, она как можно сильнее наклонилась вперед и крепче схватилась за веревку, чтобы не упасть со скамьи.

Это был *он*. Эти широкие плечи и надменный наклон головы ни с чем нельзя было спутать.

На «Озорном ревю» в одной из самых дорогих лож сидел герцог Бейнтон, столп морали и нравственности, единственный в своем роде, делатель министров.

Сара изумленно откинулась назад и глубоко вздохнула. Кто бы мог подумать! Но, в конце концов, Бейнтон тоже смертный.

А может, он попал сюда случайно?

О нет, вряд ли.

Она отчетливо вспомнила, как он ледяным тоном сообщал ей, что не посещает театров. *Ну, разве что иногда, если ставят Шекспира.*

Но сегодня ставили не Шекспира.

Забавно было его здесь видеть.

Когда-то герцог ухаживал за ее племянницей Шарлен. Когда Шарлен уехала с другим — кстати, не с кем иным, как с его братом-близнецом, — герцог пустился за ними, и Сара сопровождала его, чтобы в случае необходимости защитить любимую воспитанницу.

В конце концов, герцог не сумел завоевать сердце леди. Шарлен вышла замуж за любимого мужчину, и герцог, стоит отдать ему должное, воспринял это с благородством. Во всяком случае, он повел себя благородно со всеми, кроме Сары. Очевидно, он не ценил в женщинах прямоту и откровенность.

Впрочем, у Сары он тоже не вызывал восхищения. Во время их двухдневного совместного путешествия по Шотландии она убедилась, что более нетерпимого и уверенного в своей правоте мужчины, чем Бейнтон, на свете не сыскать. Когда они расстались, она надеялась больше никогда с ним не встречаться... Однако видеть его сейчас было забавно. Таким зрелищем можно было и понаслаждаться.

Только если ставят Шекспира. Лицемер.

Будь на ней туфли, она бросила бы одну вниз, прямо ему на голову. Пускай бы думал, что это наказание от Всемогущего Господа за пребывание в столь неприличном месте. Сара упивалась бы выражением его красивого лица... А он все же красив. Это Сара не могла не признать. Ей не нравились лишь его слова.

Но смотреть на него было совсем другим делом. Это было приятно.

На самом деле Сара была в восторге, когда герцог впервые обратил внимание на Шарлен. Она желала для своей племянницы самого лучшего мужа, а Бейнтон был лучшим женихом в Лондоне — богат, уважаем, почитаем. И Шарлен обещала стать прекрасной герцогиней. Сара даже вспомнила последние слова, услышанные от Бейнтона. Он оплатил ей частный экипаж, чтобы не проводить с ней еще несколько дней в дороге. Она случайно услышала: «Эти деньги стоят того. Я заплатил бы и вдвое больше... Слишком уж самоуверенна эта особа». Тогда она удивленно заметила, что эти слова больно ее ранили, хотя и ей было в чем его упрекнуть.

Овечки уже почти закончили гарцевать по сцене. Это действие слишком затянулось. Мужчины перестали выкрикивать грубости вместо «Бе-е-е» и начали проявлять нетерпение. Это было главной проблемой подобных развлечений. В отличие от хорошо написанной пьесы, они не могли дать пищу воображению.

Следующим был выход Сирены.

Что же, она хотела выступить как можно быстрее и сразу исчезнуть? Возможно, но это было до того, как она заметила среди зрителей его самодовольство герцога Бейнтона.

Сара встала, обмотала веревкой руку и приготовилась сойти со скамьи, как только овечки покинут сцену. Она чувствовала себя сильной, полной энергии и готовой к тому, чтобы дать лучшее представление в своей жизни.

Если Бейнтон считает, что ему подходят только пташки высокого полета, подождем, что он скажет, увидев Сирену.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если бы не беспокойство за друга Ровингтона, Гэвин Уитридж, герцог Бейнтон, уже давно ушел бы с этого «Озорного ревью».

О, конечно, как и любой мужчина, он любил смотреть на женскую грудь — а здесь эту прелесть представляли во всем ее разнообразии и великолепии. Большие, маленькие и средние, груди то и дело подпрыгивали и покачивались перед глазами, так что через некоторое время смотреть на них становилось уже утомительно.

Во всяком случае, для него. Другие зрители, казалось, еще не устали от их вида. У оркестровой ямы собралась толпа мужчин, рвущихся к сцене, поближе ко всем этим танцующим грудям.

Что это была за толпа! В театре зажгли по меньшей мере тысячу свечей, и они хорошо освещали не только сцену, но и зрительный зал. Гэвин разглядел среди собравшихся не менее трех судей Высокого суда и, кажется, всех до единого членов Палаты общин. Восьмидесятилетний лорд Брэдфорд в паланкине наслаждался представлением вместе со своими носильщиками. Отцов сопровождали сыновья. Моряки попеременно с владельцами суден и лордами, джентльмены бок о бок с мелкими мошенниками и явными бандитами наперебой свистели и отпускали остроты.

По рядам ходили девушки-кельнерши с едва прикрытой грудью и кружками эля по полгинеи каждая, и зрители с готовностью выкладывали деньги.

О да, это был грандиозный вечер, снова напомнивший Гэвину, почему он не выносит театр. Герцог терпеть не мог толпу. Однако он был здесь вовсе не для развлечения.

Гэвин пришел сюда, потому что понял: его доверие к другому, в чьей частной ложе он теперь сидел, подорвано.

Несколько месяцев назад жена Ровингтона Джейн пришла к Гэвину, чтобы просить о помощи. Ров никогда не скрывал любви к азартным играм, но теперь вел слишком рискованную игру. Джейн заявила, что он разорен. Погиб. Влез в долги, обратился к заемщикам и скоро потеряет всю недвижимость, которая находится в его распоряжении. Поскольку отец Ровингтона, тоже игрок, не позаботился о защите своей собственности, такой недвижимости было достаточно много.

Гэвин считал Рова одним из своих самых старых друзей. Они были знакомы еще со школы. Конечно же, он хотел помочь ему, поэтому способствовал выдвижению Рова на доходную должность председателя комитетов при Палате лордов.

Он сделал это по нескольким причинам. Во-первых, человеку, занимающему такой пост, нужно было иметь хорошие отношения с Палатой общин, а у Рова там были широкие связи. Во-вторых, председатель комитетов мог определять приоритет законодательных актов для всего парламента. Гэвин ожидал, что Ров будет следовать его рекомендациям, а доход от этой должности поможет ему выплатить долги.

Однако решение оказалось неудачным.

Да, Ровингтон действительно наладил хорошие отношения с Палатой общин — это было видно по тому, что многие ее члены сегодня заходили поболтать в его ложу. Но он был неуправляем. Не обращал внимания на рекомендации Гэвина, действовал по-своему... И Гэвин начинал подозревать, что Ров может быть замешан в двойной игре, даже в получении взяток.

Высокая зарплата тоже не помогла. Увлечение азартными играми лишь усилилось. Сегодня утром Джейн снова приходила и умоляла помочь. Кажется, Ров заключил пари

по всему Лондону, поставив на то, что уложит в постель женщину, известную как Сирена.

— Он ею просто бредит, — сказала Джейн. — Много лет назад он увидел ее выступление и с тех пор все время о ней помнил.

— Но ставить на то, что она станет его любовницей? — недоверчиво переспросил Гэвин.

— Убедитесь сами. Мой муж — глупец.

Она была права.

Проведя небольшое расследование, Гэвин выяснил, что Ров поставил на это целое состояние. К тому же он заплатил пятьсот фунтов за ближайшую к сцене частную ложу — непомерная сумма даже для достойной пьесы.

Более того, Ров был ужасно доволен собой и делал самые смелые прогнозы относительно этих ставок. Весь вечер приятели подшучивали над его умением «орудовать шпагой». Ров был без ума от актрис, и Гэвин знал это. Ему нравилась Джейн, и он надеялся, что та никогда не узнает о многочисленных любовницах мужа, на которых он тратил, похоже, больше, чем на семью.

Как бы то ни было, Гэвин понял, что довериться Рову было ошибкой. В его голове звучал насмешливый голос отца. Гэвин не раз слышал от него строгие наставления держаться подальше от азартных игр и игроков. Но отец и сам несколько раз неудачно вложил деньги — разве это не то же самое?

Кроме Рова и Гэвина, в ложе находились адмирал Дэниэлс и лорд Филипс, член канцелярии. Оба уже порядком выпили, особенно Филипс. Тут же был и кузен Рова, сэр Джон Хармонд, уважаемый математик, который хихикал во время каждого акта, словно девчонка. И еще двое парней, явных мошенников, что подтверждало дошедшие до Гэвина тревожные слухи о неблагонадежных новых друзьях старого приятеля.

— Это Харрис и Краудер, — беззаботно представил их Ров.

— Ваша светлость, — ответил за двоих Краудер, однако в его голосе не прозвучало той учтивости, к которой привык Гэвин.

Они держались так, будто видели слишком много сильных мира сего, чтобы выказывать почтение пригласившему их в ложу человеку и его друзьям. Ров был для них всего лишь ступенькой — увязшим в долгах лордом, которого они с готовностью съели бы живьем, не будь в этом замешаны его друзья.

У Гэвина было мало близких друзей — как среди мужчин, так и среди женщин. Титул отделял его от многих непреодолимым барьером, а связанные с ним обязанности съедали почти все время. Отец внушил ему, что человек такого положения должен придерживаться более высоких стандартов, чем окружающие.

Поэтому когда его сверстники предавались веселью и развлечениям, он работал. Гэвин чувствовал долг перед своей страной. Он использовал свое весьма значительное политическое влияние, чтобы поддерживать важные проекты и делать то, к чему его обязывал титул. Он гордился тем, что принадлежит к людям, стоящим выше многих других.

Все это оставляло мало времени для личной жизни и общения с друзьями — возможно, поэтому Гэвин так безоглядно доверял Ровингтону. Глядя на полуголых овечек, прыгавших по сцене, он продолжал раздумывать над тем, как уберечь друга от гибели...

От резкого толчка в бок Гэвин чуть было не расплескал содержимое своей кружки.

— Ну что, говорил я тебе, зрелище будет стоящее? — возбужденно спросил Ров.

Он был чуть ниже Гэвина, блондин, а от пьянства и бессонных ночей на его красивом лице уже стали появляться морщины.

— Я говорил — вот, что тебе нужно, Бейнтон, вместо отчетов парламента и Уайтхолла. Мужчине нужна игра.

Ты должен высвободить своего *внутреннего волка*. — При этих словах он ударил Гэвина кулаком по плечу. — Особенно перед тем, как ты свяжешь себя цепями.

Он имел в виду его поиски жены.

— Если бы у меня была такая жена, как у тебя, я бы играл дома, — с нажимом сказал Гэвин, стараясь сохранить спокойствие.

Ров рассмеялся.

— Джейн — хорошая девочка, но есть каждый день одно и то же блюдо становится скучно. Приходит время, когда чувствуешь, что начинаешь слабеть, стареть... и хочется чего-то большего. Ты даже не понимаешь, насколько тебе повезло, что ты избежал этих священных уз...

— Что такое? Что это мы тут обсуждаем? — слегка заплетающимся языком спросил адмирал Дэниэлс, наклоняясь к ним. — Его светлость все пытается подыскать себе жену?

— А я убеждаю его, что не стоит этого делать, — ответил Ров.

— Да, не стоит, — подтвердил Дэниэлс. — Любовница лучше жены. Мне нравится вон та белокурая пампушка. Лакомый кусочек. У нее больше, чем умещается в руку. — И он округлил ладонь, словно держал в ней женскую грудь.

Ров засмеялся, сэр Джон тоже захихикал, и Гэвину захотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Его разозлило, что вся эта публика обсуждает его личные дела. Хотя, разумеется, после того, как его бросили две женщины, слухи были неизбежны.

А также советы.

И брачные предложения.

Все прочили ему своих дочерей, сестер, кузин и даже тетюшек, уверяя, что именно *их* кандидатки на роль герцогини подойдут ему лучше всего. Одновременно Гэвин чувствовал, что, глядя на него, эти молодые женщины гадали, что же с ним не так, если его бросили *две* невесты. Это было унижительно.

Тем не менее следовать советам Дэниэлса и ему подобных он не собирался.

Не успел Гэвин резко ответить ему, как в ложу вошла розовощекая девушка-кельнерша с напитками, которые они заказали. Лорд Филипс шлепнул на поднос свою пустую кружку.

— Поосторожнее, — с упреком сказала девушка.

Филипс сделал изумленное лицо.

— Да ты знаешь, кто я такой?

— Пьяница, — бросила она, ясно давая понять, сколько подобных Филипсу ей сегодня довелось увидеть. — Вот вам еще. — И она протянула ему полную кружку со своего подноса.

Филипс взял кружку и, прежде чем Гэвин разгадал его намерения, вылил все содержимое девушке за пазуху.

Эль разлился повсюду, попал и на Гэвина. А Филипс завершил свою шалость тем, что уткнулся в декольте девушки. Крепко обхватив ее руками за талию, он с силой впечатался лицом прямо в ее грудь.

Девушка завопила, требуя отпустить ее. Огрев Филипса подносом по спине, она попыталась вырваться. Все мужчины вокруг заливались хохотом. Некоторые зрители из соседних лож даже вскарабкались на спинки стульев, чтобы получше рассмотреть происходящее. Они сочли это отличной шуткой и так громко выкрикивали одобрительные реплики, что заглушали происходящее на сцене.

Гэвин счел это безобразием. Он схватил Филипса за воротник и пояс и как следует встряхнул.

— Беги, — сказал он девушке, и ему не пришлось повторять.

Повернув Филипса лицом к себе, Гэвин произнес:

— Завтра у вас заседание комитета, на котором будет регент. Вам надо протрезветь.

Филипс посмотрел герцогу в лицо, пьяно ухмыльнулся и срыгнул. Отвернувшись, чтобы не чувствовать вони, Гэвин

отпустил Филипса. Тот рухнул к ногам Харриса и Краудера и там затих.

— Я же говорил, что он отключится первым, — объявил Ров Дэниэлсу. — Плати.

— Завтра утром получите сполна, — беззаботно ответил адмирал.

— Ты что, делаешь ставки по любому поводу? — ужаснулся Гэвин.

— Только если уверен, что выиграю, — уверил его Ров, скрестив ноги и откинувшись на стуле. — К примеру, я поставил на то, что сделаю Сирену своей любовницей раньше, чем любой другой из этого зала.

— Это же смешно, — ответил Гэвин, радуясь, что речь зашла о том, о чем он и собирался поговорить.

— Разве? — нисколько не смущаясь, спросил Ров. Он вынул табакерку и взял щепотку табака. — Может, ты хочешь поставить против меня? — добавил он, смачно чихнув.

— Я не трачу деньги на порочных женщин, — ответил Гэвин.

— Сирена — больше, чем просто женщина, — назидательно, словно простачку, начал объяснять Дэниэлс. — Ты разве не знаешь, кто она? Тогда зачем же ты сюда пришел?

— Нет, Гэвин не знает, — сказал Ров. — Уверен, на ее прошлом представлении несколько лет назад его не было.

Дэниэлс хихикнул, думая о чем-то своем.

— Что ж, тогда вы получите истинное наслаждение, ваша светлость. Это прекраснейшее создание на земле. Похитила все до единого мужские сердца и исчезла бесследно.

— Исчезла? — переспросил Гэвин.

— Ага, — ответил Ров. — Когда здесь впервые ставили «Озорное ревю», она была королевой сцены. Господи, я никогда не видел ничего более чарующего. Не было ни одного человека в театре, который не хотел бы ее.

— Да уж, это точно, — подтвердил Дэниэлс.

— Но она пропала, и никто, включая директоров театра, не мог сказать нам, кто она и куда уехала. Уж я-то знаю — потратил немалые деньги, чтобы разузнать о ней хоть что-нибудь. Но сегодня Сирена снова здесь, и теперь она от меня не уйдет, клянусь! Только не сегодня.

— Ты что, намереваешься выследить ее? — спросил Гэвин.

— Несомненно, Бейнтон, — рассмеялся Ров. — Она актриса. Это честная игра. Они только этого и ждут.

— Но ты не оленя загоняешь. Она человек.

— И весьма хорошенький, — без смущения согласился Ров. — Погоди, сам увидишь. Ты тоже захочешь начать охоту... Хотя нет, ты не станешь содержать любовницу.

Это был их старый спор. Ров не понимал, почему Гэвин не пользуется своим положением герцога, чтобы в изобилии получать женские ласки.

— Ты подозрительно напоминаешь мне монаха, — любил повторять он, и это было шуткой лишь наполовину.

Если бы он знал правду, то просто высмеял бы Гэвина... Потому что Гэвину еще только предстояло «познать» женщину, как любили выражаться толкователи Библии.

Не то чтобы ему этого не хотелось. Он отчаянно хотел секса. Он жаждал почувствовать нежность женщины, жены, друга.

Однако герцогский титул требовал, чтобы его невеста была девственницей. Иначе, как убеждал его отец, откуда ему будет известно, что его отпрыски — действительно его дети?

А если его невеста должна быть девственницей, то разве не должен и он тоже сохранить невинность? Гэвин слышал о том, что в старину рыцари хранили безбрачие, пока с них не снимали обет, и эта идея поразила его воображение. К тому же отец не оставлял ему времени, чтобы распутничать вместе с Ровом и другими молодыми людьми. Он был

просто неутомимым учителем и надсмотрщиком для своего старшего сына.

Решив подождать до женитьбы, Гэвин просто не предполагал, что ждать придется так долго. В конце концов, еще с детских лет он был помолвлен с богатой наследницей Элин Моррис. Однако смерть его отца, а затем и ее любимой матери вынудили их отложить свадьбу на несколько лет. Ждать пришлось слишком долго, и Элин вышла замуж за его младшего брата Бена. То была настоящая любовь, и Гэвин не мог настаивать на том, чтобы Элин сдержала данное ему слово.

И вот, в свои тридцать три года, совершенно неопытный, он сидел в комнате, где каждый мужчина заявлял, что знает все женские тайны — во всяком случае, об этом они кричали овечкам, скакавшим по сцене. А Ров был настолько уверен в своей мужественности, что даже заключил пари, поставив на то, что сделает Сирену своей любовницей.

Неудивительно, что Гэвину было одиноко. Ему хотелось верить, что в супружеской постели, в узах, связывающих тела и души мужчины и женщины, есть нечто святое.

— А что, если ты проиграешь свое пари? — спросил он своего самодовольно ухмыляющегося друга.

— Я выиграю.

— А если нет? — настаивал Гэвин, надеясь заставить Рова задуматься о том, что он делает.

— Всегда можно достать денег, — загадочно ответил Ров, и Гэвин понял, что он должен сместить друга с поста председателя комитетов.

Вероятно, не обойдется без неприятностей. Не только для самого Рова, но и для Джейн. Как же взяться за это дело деликатно?

Овечки закончили свой танец наклонами — настолько низкими, чтобы зрители увидели голые ягодички под их глупыми костюмами. Толпа мужчин одобрительно загудела и затихла в ожидании.

— Время выхода Сирены, — прошептал Дэниэлс, наклоняясь вперед. Даже Харрис и Краудер привстали на стульях.

Филипс поднялся с пола и сонным голосом произнес:

— Я что, ее пропустил?

На него зашикали, и Гэвин поймал себя на том, что тоже напряженно смотрит на сцену.

Сирена. Таинственная женщина. Никому не известно, кто она, но все до единого в этом театре ждут ее появления. И все знают о хвастливом пари Рова. Это придавало вечеру пикантности и напряженности.

И тут в тишине, словно пение птицы, зазвучал чистый и сильный женский голос. Его звуки заполнили весь театр. Гэвин огляделся, ожидая, что она выйдет на сцену из-за кулис.

Вместо этого сверху опустилась толстая шелковая веревка. Вокруг нее обвилось невероятное золотое создание с черными, словно ночь, волосами. Полупрозрачное, легкое, как воздух, платье облегло ее округлые формы и полную грудь. Лицо скрывала сверкающая драгоценностями маска. Полные, сочные губы слегка улыбались. Сквозь юбку виднелись стройные ножки с босыми ступнями.

Реакция Гэвина была немедленной, и игнорировать ее было невозможно. Более прекрасного создания он никогда не видел.

Ему пришлось встать. Он не мог сидеть на месте и был не единственным в этом театре, кто встретил Сирену стоя. Ров аплодировал и поднимал руки, словно приветствуя ее гостеприимным жестом. Сэр Джон возбужденно хихикал. Все остальные мужчины в ложе, включая двоих молодых мошенников, замерли в восхищении.

Она была не просто актрисой.

Это была богиня, и, верная своему имени, она обладала властью привлекать и соблазнять мужчин, когда хотела.